

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭВФЕМИЗМОВ

С.А. Логвина

Институт иностранной филологии КФУ имени В.И. Вернадского, г.
Симферополь, Крым

В статье рассматриваются некоторые теоретические положения анализа интерпретации эвфемизмов. Реконсолидационный потенциал исследуемого феномена формирует сложный стереотип с образными, силенциальными, вербальными и невербальными составляющими, которые влияют на уровень приоритетности воспринимаемой информации в коммуникативном акте, на пропорциональное соотношение стохастичности и закономерности интерпретации, и, соответственно, на длительность процесса означивания и дешифровки. В ходе анализа становится ясно, что понимание/ формирование эвфемизмов сопряжено не только с биопсихологическим своеобразием, но и имеет ценностные координаты, коррелируя с особенностями переживания фактора адаптации к окружающей действительности, включающем процессы кодирования и декодирования информации, подлежащей эвфемизации.

Ключевые слова: эвфемия, интерпретация, культурная картина мира, образность, денотат, силенция.

Эвфемия – значимый элемент как языковой, так и культурной картины мира, она отображает особый способ восприятия и интерпретации реальности, принятый в рамках определенного сообщества с присущими ему: уникальной системой приоритетов, ценностей и моделей поведения. Индивид, как динамично развивающаяся единица данного сообщества, в рамках коммуникативного поля может выступать в двух ипостасях: в качестве Наблюдателя (субъекта восприятия) и Говорящего. При реализации индивидуальной коммуникативной стратегии Субъект использует множество инвариантных механизмов соотношения языкового знака со способами интерпретации в рамках индивидуального процесса становления и сохранения динамического равновесия индивида в социуме. В свою очередь индивидуальная адаптивная практика формируется под влиянием мировоззренческих принципов индивида, его когнитивно-аналитической деятельности и роли субъекта (Наблюдатель/ Говорящий) в коммуникативном акте культурного континуума. Культурные ограничения и социальные установки ограничивают бесконечное множество траекторий развития индивидуальной эвфемистической интерпретации знака, под влиянием как субъективных, так и объективных параметров. К объективным параметрам, на основе анализа теоретических обоснований, посвященных исследованию феномена эвфемии, относим: формальное улучшение денотата; сохранение истинности и информативности исходного высказывания; присутствие вуалативной характеристики. К субъективным параметрам относятся биопсихологические особенности деятельности субъекта (так называемый

«предрассудок», т.е. социальный, исторический, личный опыт, знания, мнения, мировоззрение и т.д.) реализуемые при создании и перестройке знаковой формы объекта, как основы интерпретационного выбора.

Семантическая референция эвфемизма, определяется языковой конвенцией и являясь результатом созерцательной рефлексии уточняет фрагмент «инвариантного образа мира», создающийся в результате концептуализации денотативной ситуации [Зубкова 2011: 179]. Одним из основных объективных параметров интерпретции эвфемизма является *формальное улучшение денотата*, формальное потому, что денотат, как объект внеязыковой действительности, не улучшается – «улучшается» его именование [Сенечкина 2006: 73]. Улучшением или милиоративным эффектом считаем комплекс действий направленный на положительные изменения семантической составляющей экспозиции объекта, с целью повлиять на улучшение эмоционального состояния Субъекта и/или Другого. Семиотическим механизмом эвфемии является замещение, которое происходит на основе выбора подходящего субститута и блокировки неприемлемых альтернатив. Знак-эвфемизм и знак, замещаемый эвфемизмом имеют общий объект, но разные интерпретанты, за счет формального улучшения именования денотата. Знак-эвфемизм не избирается произвольно, необходимо существование оценочного зазора, который в определенной ситуации отдалял бы нежелательный объект и его временную номинацию. Диапазон интерпретанты диктует успешность знака, сформированного для выполнения эвфемистической функции. Так если отличие будет совсем незначительным, как например: *tramp* vs *vagrant* – где лексическая пара выступает скорее в отношениях синонимии, чем эвфемии, поскольку в основе нового наименования (эвфемизма) предполагается смещение акцента на положительные признаки объекта.

Следующим субъективным параметром интерпретации эвфемизма является *сохранение истинности и информативности концептуального содержания исходного объекта*. Прибегая к использованию такой гносеологической категории как истинность, необходимо учитывать всю противоречивость и глубину данного аспекта, поскольку нет единого мнения относительно эго понятия, является ли оно соответствием мыслей и высказываний действительности, согласованностью знаний, практически полезным знанием или соглашением, отражающим всеобщее согласие. Так, анализируя содержание и смысл истинных суждений, Гуссерль приходит к выводу, что то, «что истинно... истинно само по себе; истина тождественна едина, воспринимают ли ее в суждениях люди или чудовища, ангелы или боги» [Гуссерль 1909: 101]. По мнению Гуссерля истина не имеет никакого отношения ни к реальному миру, ни к реальному процессу мышления и «только трансцендентальная логика (наука, выходящая за пределы опыта) может быть последним наукоучением ... о принципах и нормах всех наук» [Гуссерль 1939: 14].

Кант, также, допускал только формально-логический критерий истины, в соответствии с которым познание должно согласовываться со всеобщими формальными законами рассудка и разума.

В рамках нашего исследования при характеристике компонента, проводимого нами анализа, термин «истинность» используется в значении достоверности или другим словами тождественности исходной и передаваемой концептуальной информации.

С точки зрения информативности валидными считаем такие показатели как адекватность информации, т.е. степень соответствия реальному объективному состоянию дела, и ее объем или полнота, что во многом характеризует качество информации и определяет достаточность данных для создания новых данных на основе имеющихся. Чем полнее данные, тем шире диапазон методов интерпретации, которые можно использовать, тем проще подобрать индивидуальный метод, свойственную данному индивиду совокупность объяснительных принципов, предопределяющих направление интерпретации результатов.

Несмотря на привлечение дополнительной информации (описание, сравнение) эвфемизм менее информативен в сравнении с исходным наименованием по причине редукции отрицательных или нежелательных сем. Любой языковой знак, а эвфемизм особенно, фиксирует и эксплицирует не всю информацию, связанную с интерпретируемым явлением, а фокусирует внимание лишь на прагматически и коммуникативно значимых аспектах в условиях конкретной коммуникативной ситуации. Так, обозначив исходную информацию (I – initial (исходная, первоначальная); T- transmitted (передаваемая); A – accepted (принимаемая)), можем предположить, что постулат о сохранении истинности и информативности исходного высказывания предполагает тождественность отношений $I = A$, однако это будет противоречить реализации первого признака эвфемизма (формальное улучшение денотата), поскольку улучшение происходит за счет смены акцентов на признаках объекта и заменой девиантных, а значит не эффективных в рамках определенного коммуникативного акта, по мнению Говорящего, признаков знака на те, которые не имеют отрицательных коннотаций и будут способствовать коммуникативному комфорту. Интерпретация эвфемизма может считаться успешной если при означивании объекта повторно и преобразовании информации из состояния I в состояние A максимально сохранится количество базовых информационных компонентов при относительном улучшении признаков этих компонентов (согласно первому параметру) в соответствии с коммуникативной реальностью.

Следующим не менее важным параметром является присутствие вуалативного или маскировочного компонента, который формируется посредством достижения высокого индекса образности. Поскольку, если эвфемизм известен всем, то произнести его – значит, прямо указать на то, что надо прикрывать, в таком случае эвфемизм перестает выполнять свою

функцию, и для достижения желаемого эффекта индивид начинает поиск новых (не явных) форм эвфемистической интерпретации. Важной является роль образности, как обязательного условия означивания эвфемизма, а также особого способа трансляции информации. В семиотике «образ является источником основных семиотических понятий, структура которых создается взаимодействием означающего и означаемого. Мир предметов в связи с этим превращается в мир смыслов. Материя исчезает, и остаются лишь воплощенные в образе признаки» [Зубкова 2010: 45].

Образность – это особый закон изложения, где «происходит вторжение синтеза в зону анализа, представления (образа) - в зону понятия, воображения - в зону интеллекта, единичного - в зону общего» [Арутюнова 1990: 19]. Образность «позволяет выражать неизвестное через знакомое», при этом образ всегда скрыт и его надо разгадать, что также требует определенного рода «усилие воображения». Образность изложения создается посредством множества способов и приемов, однако в лингвистике, как известно, эту роль выполняют лексические средства выразительности – тропы. «Метафорические образы, лежащие в основе формирования тропеической лексики, отражают мировосприятие индивида, формирующиеся под влиянием чувств, ощущений, близких и понятных конкретному индивиду, что составляет основу для последующей смысловой аттрактивности лексики с высоким индексом образности» [Зубкова 2017 (б)].

Проведя систематизацию эвфемистической номинации Б.А. Ларин приходит к выводу, что по семантической структуре эвфемизмы – это метафоры, метонимии, синекдохи, мейозис, литоты и т.д. [Ларин 1964]. Однако если тропы служат для образного представления действительности и придания речи особой выразительности, то у эвфемизмов иная функция, они стремятся с помощью образности «замаскировать неприглядное» и неподходящее и тем самым не допустить дискомфорта в коммуникации [Саакян 2010]. Знак-эвфемизм не избирается произвольно. Появление эвфемизма, по нашему мнению, происходит путем семантических преобразований исходной языковой единицы с модификацией значения в сторону образности путем полного или частичного отвлечения от лексического значения исходной лексемы, пока интерпретанта не лишится неуместного (того, который может спровоцировать негативные эмоции у собеседника) *ad hoc*, по мнению автора, семантического признака. Для осуществления таких преобразований необходимо существование общих признаков, которые сближали бы в определенной ситуации нежелательный объект и его временную номинацию. Знак-эвфемизм и знак, замещаемый эвфемизмом, имеют общий объект, но разные интерпретанты. Так, диапазон интерпретанты диктует успешность знака, сформированного для выполнения эвфемистической функции. Чем прочнее связь эвфемистического означающего и скрываемого означаемого, тем «прозрачней» эвфемизм и тем четче виден «маскируемый» объект. Иными словами, если знак и объект связаны устойчивой интерпретантой (*ultimate*

interpretant, в терминах Ч.С. Пирса), то смысл постепенно переходит на уровень инварианта и становится значением, а эвфемизм теряет свою функциональность. Соответственно, чем «непроглядней» эвфемизм, тем надежнее «замаскирован» нежелательный объект.

Проведенный Е.А.Уваровой компонентный анализ, на основе метода исследования плана содержания значимых единиц языка, путем разложения значения на минимальные семантические составляющие позволил увидеть значения эвфемизмов и антецедентов (терминология М.Н. Никитина), заложенные в их сигнификат, присущие им независимо от контекста ситуации и подсчитать количество компонентов, позволяющих соединить архисему антецедента с архисемой эвфемизма [Уварова 2012: 13].

В качестве подтверждения тезиса об ассоциативной взаимосвязи всех единиц лексического уровня и их структурирования в виде вербально-ассоциативной сети Е.А.Уварова ссылается на предложенное Ю.Н. Карауловым «правило шести шагов», согласно которому любые два слова могут быть соотнесены друг с другом через шесть промежуточных ассоциативных ходов.

Опираясь на результаты своего исследования, Уварова резюмирует, что «способность эвфемизмов вуалировать денотат определяется способностью скрывать истинную сущность явления за счёт сотворения нейтральной либо положительной коннотации» [Уварова 2012: 20]. Эвфемизмы – целостное комплексное явление, которое может быть раскрыто с учетом взаимодействия целого ряда факторов, обуславливающих возникающую взаимосвязь денотативных и коннотативных значений. Эвфемизм и антецедент связаны положительной семой (она появляется в эвфемизме) и отрицательной семой (и в эвфемизме, и в антецеденте), иначе невозможно понять значение эвфемизма [Уварова 2012: 28].

Полагаем, что в рамках анализируемого параметра, истинный эвфемизм выступает как возможная единичная реализация системы, когда «на уровне формирования финальной логической интерпретанты» актуализированный образ содержит соответствующую переживаемому «здесь-и-сейчас» состоянию объективную оценку и субъективное описание, отличаясь широкой палитрой характеристик, содержательной яркостью и насыщенностью» [Zubkova 2016: 123], что обеспечивается путем создания конструкций, «овнешняемых» определенной системой символов и выражаемых посредством тропеических единиц» [Зубкова 2017 (а)].

Именно интегрирование заявленных объективных и субъективных параметров задает выбор средств рефлексивного описания эвфемизируемого объекта/явления в рамках конкретного культурного континуума. В результате интерпретационного выбора происходит «присваивание» эвфемизму определенного значения, благодаря чему становятся возможными процессы эвфемистического кодирования и декодирования при обязательном учете культурной и лингвистической компетенций, а также экстралингвистических элементов, составляющих ее смысловое оформление.

Несмотря на то, что любое сообщение является предметом множества интерпретаций, которые находятся за пределами мыслительных намерений автора, создавая эвфемистическое высказывание Говорящему важно, чтоб его эвфемистическая интенция была замечена и оценена, как лингвистическая толерантность. Кодируя свое эвфемистическое высказывание Говорящий использует как лингвистические, так и экстралингвистические единицы (просодические, кинетические, проксемические, а также графические), которые будут максимально сигнализировать (экспонировать) эвфемистическую интенцию автора. На просодическом уровне функционирование эвфемистических единиц сопровождается: изменениями тональности, вербализацией на фоне пауз до и после произнесения, особой сегментацией текста, также может сопровождаться различными психофизиологическими явлениями (плач, кашель, смех, вздох и т.д.). На кинетическом уровне эвфемизация экспонируется за счет выразительных движений (жестов, мимики, пантомимики, а также визуального контакта). Проксемические элементы реализовывают эвфемистическую интенцию автора за счет организации его пространства. Отдельной категорией можно выделить силенцию, которая, являясь базовой характеристикой эвфемии, применяет различные виды опосредованного выражения информации (семантически, просодически и темпорально) и может относиться как к лингвистическим, так и экстралингвистическим средствам. Эвфемистические невербальные средства, также, как и вербальные социально детерминированы и исторически изменчивы. Совокупность лингвистических и пара/экстралингвистических средств составляет поликодовость исследуемого феномена, что, в свою очередь влияет на длительность процесса означивания и дешифровки эвфемизма. Согласно Т.Б. Назаровой, понимание поликодового «организованного единства – это движение от «предварительного» понимания, задающего смысл предмета понимания как целого, к анализу его частей и достижению более глубокого и полного понимания, в котором смысл целого подтверждается смыслом частей, а смысл частей – смыслом целого» [Назарова 2003: 148]. В коммуникативном акте такие элементы, как: слова-маркеры, слова – сигналы, парамимические приемы, просодические элементы, а также силенциальная категория, играют роль экспозиции к основному эвфемистическому вербальному тексту.

Так, если эвфемистическая референция кодирована и декодирована корректно, положительный прагматический эффект будет свидетельствует о реализации уникальной эвфемистической интерпретации. Однако если произошла девиантная интерпретация, то прагматический эффект коммуникативного акта будет носить симулятивный характер, используя иллюкутивный потенциал эвфемии в прагматических целях, тем самым дискредитируя явление эвфемии. К таким симулякрам относятся социально-политические манипулятивные обороты (как правило, такие встречаются в политической, военной, рекламной и корпоративной сфере), которые вводят в заблуждение прикрывая негативные социальные проблемы лингвистическими и

экстралингвистическими конструкциями похожими на эвфемизм, но таковыми не являются.

Полагаем, что рассматриваемый феномен является отражением взаимодействия человека с окружающим миром, сублимацией процессов познания и преобразования действительности, через призму личного опыта, эмоциональных переживаний, сложных психических процессов и т.д. Необходимым элементом интерпретации смысла эвфемизма является овнешнение внутренних интенций путем создания семантических коррелятов и их экспозиции, тождественных результату аналитической деятельности, удовлетворяющих потребностям гармоничного существования индивида. Соответственно, при интерпретации этих семантических структур, адресат пользуется собственными психическими ресурсами таким образом, что сказанное приобретает новый смысл, путем корреляции семантических связей с его познанием, в результате чего слово или выражение реализуется или не реализуется как эвфемизм.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. Москва: Прогресс, 1990. С.19–23.

Гуссерль Э. Логические исследования. Т.1. СПб.: 2011. 101с.

Зубкова О.С. Медицинская метафора-термин как ментальная репрезентация // Вопросы когнитивной лингвистики. Научно-теоретический журнал. 2010. №3. С. 41–48.

Зубкова О.С. Метафора в профессиональной семиотике. Курск: Курск: Изд-во КГУ, 2011. 334 с.

Зубкова О.С. (а) Смысловая аттрактивность языковых единиц с высоким индексом образности в профессиональной коммуникации (некоторые результаты психолингвистического эксперимента) // Теория языка и межкультурная коммуникация. Научный рецензируемый журнал. 1 (24). 2017. <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/024-005.pdf>

Зубкова О.С. (б) Оценочно-кваликативная семантика тропеических средств с позиции лингвосомиотической теории // Теория языка и межкультурная коммуникация. Научный рецензируемый журнал. 3 (26), 2017. <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/026-009.pdf>

Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. Москва, 1976. 123 с.

Ларин Б.А. Славянская филология / Сб. статей Л.: Изд-во ЛГУ, 1964. 163 с.

Назарова Т.Б. Филология и семиотика. М., 2003. 191 с.

Саакян Л. Н. Эвфемия как прагмалингвистическая категория в дискурсивной практике непрямого речевого убеждения : дисс. канд. филол. наук. Москва, 2010. 195 с.

Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка. Москва, Флинта, 2006. 124 с.

Уварова Е. А. Системная семантика английского эвфемизма. Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 2012. 30 с.

Философия. Истина. Электронный ресурс:
(<http://www.grandars.ru/college/filosofiya/istina.html>)

Husserl E. Formale und transzendente. Logik.- Holl (Staele):1939, p.14.

Zubkova O.S., Burak M.A. The empirical research of prosodic organization of tropes in spontaneous public speech // Russian Linguistic Bulletin. 2016. № 3 (7). С. 122–124.

EUTHEMISMS AND THEIR INTERPRETATION STRATEGIES

S.A. Logvina

Modern Languages Department, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky,
Simferopol, Crimea.

The article considers some theoretical positions of the analysis of the interpretation of euphemisms. Reconsolidation potential of euphemism forms a complex stereotype with figurative, syllantic, verbal and nonverbal components that affect: the level of priority of perceived information in a communicative act; the proportional ratio of stochasticity and consistent pattern of interpretation; and the duration of the process of signification and decryption. In the course of the analysis it becomes clear that the understanding / formation of euphemisms is not only related to bio-psychological originality, but also has value coordinates, correlating with the peculiarities of the experience of the adaptation factor to the surrounding reality, including the processes of coding and decoding of information supposed to become euphemism.

Keywords: euphemism, interpretation, cultural picture of the world, imagery, denotation, silencing.

Об авторе: ЛОГВИНА Светлана Андреевна, кандидат пед. наук, доцент кафедры иностранных языков № 4, Институт иностранной филологии (ТА) «Крымского Федерального Университета имени В.И. Вернадского»; email: Svet.logvina@mail.ru